

УРАНІЯ

(URANIE)

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ НЕБЕСНЫЯ ПРОСТРАНСТВА

КАМИЛЛА ФЛАММАРІОНА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА

Дозволено цензурою. Спб., 22-го іюня 1892 года.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

ЧАСТЬ I.

У Р А Н І Я.

I.

Мнѣ было семнадцать лѣтъ. Ее звали Ураніей. Кто же эта Уранія? бѣлокурая, голубоглазая молодая дѣвушка, прекрасная, какъ мечта ранней юности, невинная, но любопытная дочь Евы? Нѣтъ, это просто, — какъ и встарь, одна изъ девяти музъ, покровительница астрономіи, — муза, небесный взоръ которой воодушевляетъ и направляетъ гармоническій хоръ міровыхъ сферъ; это божественная идея, витающая надъ земнымъ матеріализмомъ. Нѣтъ у нея ни соблазнительнаго тѣла, ни сердца, трепетаніе котораго передается намъ даже на разстояніи, ни теплаго дыханія человѣческой жизни; и все-таки она существуетъ въ какомъ-то идеальномъ мірѣ, вышемъ и всегда чистомъ. Какъ бы то ни было, она настолько человѣчна по своему имени, по своему об-

разу, что производить на душу юности впечатлѣніе глубокое и сильное, порождая въ этой душѣ неопредѣленное, неизъяснимое чувство восторга, обожанія и даже любви.

Молодой человѣкъ, еще не прикасавшійся къ дивному плоду райскаго дерева, чьи уста еще непорочны, чье сердце еще не заговорило, а чувства лишь пробуждаются для новыхъ смутныхъ стремленій, — такой юноша предчувствуетъ въ часы одиночества и даже среди умственного труда, который обременяютъ его мозги при теперешнемъ воспитаніи, — предчувствуетъ тотъ культъ, которому скоро будетъ приносить жертвы, и заранѣе воплощаетъ подъ разными образами дивное существо, витающее въ атмосферахъ его мечты. Онъ желаетъ, онъ жаждетъ прикоснуться къ этому невѣдомому существу, но еще не осмѣливается и, можетъ быть, въ своемъ простодушномъ восхищеніи никогда не осмѣлился бы, еслибъ ему не подоспѣла откуда нибудь благотельная помощь. Если Хлоя еще остается въ невѣдѣніи, за то болтливая и любопытная Лиценіона беретъ на себя просвѣтить Дафниса.

Въ такую пору все, что напоминаетъ намъ объ этомъ смутномъ, еще не опредѣлившемся влеченіи, способно насъ восхитить, поразить, плѣнить. Холодная гравюра, изображающая овалъ правильнаго лица, даже античная картина, — изваяніе (въ особенности изваяніе) — пробуждаетъ новый трепетъ въ нашихъ сердцахъ; кровь или течетъ быстрѣе, или останавливается; новая мысль, подобно молніи, оза-

ряетъ наше заалѣвшееся чело и витаетъ въ нашемъ сознаниі. Это начало желаній, это вступленіе въ жизнь, это заря яснаго лѣтняго дня, предвѣщающая восходъ солнца. Что до меня касается, то моя первая любовь, моя юношеская страсть имѣла, — конечно, не предметомъ, а побудительной причиной — каминные часы. Какъ это ни странно, а это такъ. Каждый день отъ двухъ до четырехъ имѣ приходилось заниматься очень скучными вычисленіями: надо было провѣрять наблюденія надъ звѣздами или планетами, произведенныя въ предыдущую ночь, и дѣлать къ нимъ поправки, зависящія отъ атмосфернаго преломленія, которое въ свою очередь зависитъ отъ высоты барометра и отъ температуры. Эти вычисленія очень просты, но за то скучны; ихъ можно дѣлать машинально при помощи готовыхъ таблицъ, думая совсѣмъ о другомъ.

Въ это время директоромъ парижской обсерваторіи былъ знаменитый Ле-Веррье. Онъ не отличался художественнымъ вкусомъ, но въ его рабочемъ кабинетѣ стояли чрезвычайно красивые каминные часы изъ золоченой бронзы, въ стилѣ первой Имперіи, работы Прадье. На цоколѣ было изображено въ видѣ барельефовъ рожденіе астрономіи въ равнинахъ Египта — массивная небесная сфера, опоясанная зодиакомъ и поддерживаемая сфинксами, возвышалась надъ циферблатомъ. По бокамъ египетскіе боги. Но вся краса этой художественной вещи заключалась въ очаровательной маленькой статуѣ Ураніи — полной благородства, изящества — и даже величія.

Небесная муза была изображена во весь ростъ. Правой рукой она измѣряла съ помощью циркуля градусы звѣздной сферы; лѣвая рука, свободно опущенная внизъ, держала небольшую астрономическую трубку. Задрапированная великолѣпными складками, она поражала величіемъ и благородствомъ позы. Я никогда еще не видывалъ такого прекраснаго лица. Освѣщенное прямо, оно казалось строгимъ и суровымъ. Если свѣтъ падалъ косвенно, оно становилось скорѣе мечтательнымъ; но при освѣщеніи сверху и сбоку—это очаровательное лицо озярилось таинственной улыбкой, взглядъ становился почти нѣжнымъ, ласкающимъ, дивное спокойствіе смѣнялось вдругъ выраженіемъ радости, доброты и счастья, такъ что любо смотрѣть. Это было словно внутреннее пѣснопѣніе, поэтическая мелодія. Отъ такихъ перемѣнъ выраженія статуя почти оживала. Кто бы она ни была—муза ли, богиня ли—она была плѣнительна, дивно прекрасна.

Каждый разъ, какъ мнѣ приходилось быть въ кабинетѣ знаменитаго математика, сильнѣйшее впечатлѣніе производила на меня вовсе не его всемірная слава. Я забывалъ логарифмическія формулы и даже безсмертное открытіе имъ планеты Нептуна, и восхищался статуей Прадье. Это прекрасное тѣло, формы котораго такъ дивно обрисовывались подъ античной драпировкой, этотъ граціозный поворотъ шеи, это выразительно лицо приковывали мои взоры и поглощали всѣ мысли. Около четырехъ часовъ, когда намъ пора было расходиться изъ обсервато-

рин и возвращаться въ городъ, я часто подкарауливалъ въ полу-отворенную дверь, дома ли директоръ, или нѣтъ. Самыми любимыми днями были для меня понедѣльники и среды—понедѣльники потому, что тогда бывали засѣданія академій, которыхъ онъ никогда не пропускалъ, хотя всегда являлся на нихъ съ видомъ презрительнаго высокомерія, а среды потому, что происходили засѣданія комиссій долготъ въ обсерваторіи: этихъ собраній онъ всегда избѣгалъ съ глубочайшимъ пренебреженіемъ и даже спѣшилъ уйти изъ обсерваторіи, нарочно, чтобы еще рѣзче выказать свое презрѣніе. Тогда я становился противъ моей милой Ураніи, рассматривалъ ее надосугѣ, любовался красотой ея формъ и уходилъ довольный, но нельзя сказать, чтобы счастливый. Муза восхищала меня, но будила во мнѣ какія-то смутныя сожалѣнія.

Однажды вечеромъ—въ этотъ именно вечеръ я открылъ измѣненія въ ея физіономіи, смотря по освѣщенію—кабинетъ оказался отвореннымъ настежь и лампа, поставленная на каминѣ, освѣщала музу въ одномъ изъ ея самыхъ привлекательныхъ видовъ. Свѣтъ, падая косвенно, мягко ласкалъ лобъ, щеки, губы и грудь. Выраженіе лица было самое восхитительное. Я подошелъ и долго стоялъ неподвижно, любуясь ею. Потомъ мнѣ вздумалось переставить лампу, чтобы посмотрѣть игру свѣта на плечахъ, рукахъ, шеѣ и волосахъ. Статуя какъ будто ожила, мыслила, пробудилась и даже улыбнулась. Чуждое ощущеніе, странное чувство—я былъ дѣй-

ствительно влюбленъ; изъ восторженнаго поклонника я превратился въ страстнаго любовника. Я очень удивился бы, еслибъ мнѣ сказали тогда, что это не есть настоящая любовь, что этотъ платонизмъ—просто дѣтская мечта. Тутъ вошелъ директоръ; онъ не такъ сильно удивился моему присутствію, какъ я могъ бы ожидать (черезъ кабинетъ проходили иногда, направляясь въ залы для наблюдений).

— Вы опоздаете наблюдать Юпитера, сказалъ онъ мнѣ, въ ту минуту, какъ я ставилъ лампу на каминъ; и добавилъ мнѣ вслѣдъ, когда я былъ уже въ дверяхъ:—Ужъ не поэтъ ли вы?

Слова эти были сказаны тономъ глубокаго презрѣнія, причемъ онъ протянулъ послѣдній слогъ, такъ что вышло почти «поать».

Я могъ бы возразить ему, указавъ на примѣры Кеплера, Галилея, Аламбера, Гершелей и другихъ знаменитыхъ ученыхъ, которые были въ одно и то же время и поэтами, и астрономами; я могъ бы напомнить ему перваго директора обсерваторіи, Жана-Доминика Кассини, воспѣваемаго Уранію въ стихахъ—латинскихъ, итальянскихъ и французскихъ; но ученики обсерваторіи не имѣли привычки возражать что бы то ни было директору-сенатору. Сенаторы были въ то время очень важными особами, а директоръ обсерваторіи былъ несмѣняемымъ. Да и къ тому же, нашъ великій геометръ отнесся бы къ самой чудной поэмѣ Данта, Аріоста или Гюго съ такимъ же точно глубокимъ презрѣніемъ, съ ка-

кимъ прекрасная нью-фаундлендская собака смотритъ на рюмку вина, которую ей подносятъ. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ виноватъ.

Прелестная фигура Ураніи, какъ она меня преслѣдовала съ ея дивными выраженіями фізіономіи! Улыбка ея была такъ плѣнительна! Бронзовые глаза ея иногда смотрѣли какъ живые. Казалось, она сейчасъ заговорить! И вотъ въ ту же ночь, едва успѣлъ я заснуть, какъ снова увидѣлъ передъ собою чудную богиню; наэтотъ разъ она заговорила со мной.

О, она въ самомъ дѣлѣ живая! И какія прелестныя уста! я готовъ былъ цѣловать ихъ послѣ каждаго произнесеннаго слова...—Улетимъ вмѣстѣ, говорила она,—унесемся въ высь,—дальше отъ земли; ты увидишь ничтожество міра земного, познаешь безпредѣльную вселенную во всемъ ея величіи! Вотъ—смотри и наблюдай!

II.

Тогда я увидѣлъ землю, низвергающуюся въ глубокія бездны безконечности; куполь обсерваторіи, Парижъ, сверкающій огнями—все это летѣло внизъ съ страшной быстротой; а я, казалось, стоялъ неподвижно и испытывалъ то же ощущеніе, какое замѣчаешь на воздушномъ шарѣ, когда онъ подымается на воздухъ, а земля какъ будто опускается внизъ. Долго, долго подымался я, словно движимый волшебной силой, направляясь къ недостигаемому

зениту. Уранія была рядомъ со мною, но только немного выше; она кротно смотрѣла на меня и показывала всѣ царства земныя. Занялся день. Я узналъ Францію, Рейнъ, Германію, Австрію, Италію, Средиземное море, Испанію, Атлантическій океанъ, Ламаншъ, Англію. Но вся эта географія лилипутовъ быстро принимала самыя крохотныя размѣры. Вскорѣ земной шаръ сталъ величиною съ луну, какой мы видимъ ее въ послѣдней четверти, затѣмъ превратился въ маленькую полную луну.

— Вотъ, сказала мнѣ Уранія,—этотъ пресловутый земной шаръ, гдѣ бушуетъ столько страстей и въ тѣсномъ кругѣ котораго заключена мысль столько милліоновъ существъ, чьи взоры никогда не проникаютъ дальше земныхъ предѣловъ. Смотри, какъ уменьшается его кажущаяся величина по мѣрѣ расширенія нашего горизонта. Мы не различаемъ уже Европы отъ Азіи. Вотъ Канада и Сѣверная Америка. Какъ все это мелко и ничтожно!

Проносясь возлѣ Луны, я замѣтилъ гористыя ландшафты нашего спутника, сіяющія вершины, глубокія, сумрачныя долины, и мнѣ захотѣлось остановиться немного, чтобы ближе изучить этотъ сосѣдній съ нами міръ; но Уранія, не удостоивъ его даже взглядомъ, продолжала увлекать меня въ быстромъ полетѣ въ звѣздныя области.

Мы подымались все выше и выше. Земля, постепенно уменьшаясь по мѣрѣ того, какъ мы отдавались, превратилась наконецъ въ простую звѣзду, блестящую, благодаря солнечному освѣщенію, въ

нѣдрахъ чернаго, безпредѣльнаго пространства. Мы уже повернули къ Солнцу, сіявшему въ пространствѣ, не освѣщая его, — и увидѣли одновременно съ нимъ другія звѣзды и планеты, уже не исчезающія передъ свѣтомъ солнца, которое не озаряло невидимаго эфира. Божественная нуга указала мнѣ на Меркурія, по сосѣдству отъ Солнца, на Венеру, блестящую съ противоположной стороны, на Землю, равную съ Венерой по виду и блеску, на Марса, на которомъ я различилъ средиземныя моря и казаны, на Юпитера съ его четырьмя громадными спутниками, на Сатурна, Урана...

— Всѣ эти міры, сказала она, — держатся въ пустотѣ, благодаря притяженію Солнца, и вращаются вокругъ него съ стремительной скоростью. Это гармоническій хоръ, тяготеющій вокругъ центра. Земля ничто иначе, какъ пловучій островъ, деревенька въ этомъ великомъ солпечномъ царствѣ, а само это царство солнца не болѣе, какъ область въ безконечномъ звѣздномъ пространствѣ.

Мы все подымались. Солнце съ его системой быстро удалялось отъ насъ; уже Земля обратилась въ маленькую точку. Даже Юпитеръ — этотъ исполинскій міръ, казался крохотнымъ, подобно Венерѣ и Марсу, чуть-чуть побольше Земли.

Мы пронеслись мимо Сатурна, опоясаннаго гигантскими кольцами; его одного было бы достаточно, чтобы доказать безконечное, непостижимое разнообразіе, царящее во вселенной; Сатурнъ самъ по себѣ образуетъ цѣлую систему съ его кольцами, со-

стоящими изъ маленькихъ тѣлъ, вращающихся вокругъ него съ неизвѣрной быстротой, и съ его восемью спутниками, сопровождающими его какъ небесная свита.

По мѣрѣ того, какъ мы возносились въ высь, наше солнце уменьшалось въ размѣрѣ. Вскорѣ оно перешло въ разрядъ звѣздъ, потому утратило свое величіе, все свое превосходство передъ звѣзднымъ міромъ и стало не болѣе какъ звѣздой, немного развѣ поярче другихъ. Я сталъ всматриваться въ безпредѣльное усѣянное звѣздами пространство, среди котораго мы продолжали нестись, и старался узнать различныя созвѣздія; но они замѣтно стали измѣнять свою форму, потому что измѣнялась перспектива вслѣдствіе нашего подъема: млечный путь рассыпался подъ нами цѣлымъ катарактомъ расплавленныхъ солнцъ, низвергающихся въ бездну, — звѣзды, къ которымъ мы приближались, метали фантастическіе золотые и серебряные лучи, ослѣпляя насъ сіяніемъ на подобіе молніи.

Мнѣ казалось, что наше солнце, постепенно превратившееся въ маленькую звѣздочку, примкнуло къ созвѣздію Центавра, между тѣмъ какое-то новое сіяніе, блѣдное, голубоватое, довольно странное, лилось изъ той области, куда увлекала меня Уранія. Это сіяніе не имѣло въ себѣ ничего земного и не напоминало мнѣ ни одну изъ картинъ природы, которыми я любовался на землѣ — это не походило ни на измѣнчивыя тѣни сумерекъ послѣ грозы, ни на прозрачную мглу утренней зари, ни на тихое, спо-

койное сіяніе луны, отражающееся въ зеркалѣ моря. Впрочемъ, этотъ послѣдній эффектъ, пожалуй, болѣе всего приближался къ представившемуся намъ зрѣлищу, но этотъ странный свѣтъ становился все болѣе голубымъ, настоящаго голубого цвѣта, и не вслѣдствіе отраженія небесной лазури или отъ контраста, подобнаго тому, какой производитъ электрическій свѣтъ въ сравненіи съ газовымъ, нѣтъ, онъ былъ голубой самъ по себѣ, какъ будто само солнце было голубое!

Каково же было мое изумленіе, когда я убѣдился, что мы въ самомъ дѣлѣ приближаемся къ солнцу, положительно голубому; блестящій дискъ, какъ будто вырѣзанный изъ нашихъ ясныхъ земныхъ небесъ, лучезарно выдѣлялся на совершенно черномъ фонѣ, сплошь усыянномъ звѣздами! Это сапфировое солнце составляло центръ цѣлой системы планетъ, озаренныхъ его свѣтомъ. Тенерь мы должны были пролетѣть совсѣмъ близко отъ одной изъ этихъ планетъ. Голубое солнце замѣтно росло; но странное дѣло, свѣтъ, которымъ оно освѣщало эту планету, усложнялся съ одной стороны какимъ-то зеленоватымъ отблескомъ. Я снова взглянулъ на небеса и увидалъ другое солнце — чуднаго изумрудно-зеленаго цвѣта. Я не вѣрилъ глазамъ своимъ.

— Мы проходимъ теперь, сказала мнѣ Уранія, — черезъ солнечную систему Гаммы Андромеды; пока ты видишь только часть этой системы, такъ какъ въ сущности она состоитъ не изъ двухъ солнцъ, а изъ трехъ — голубого, зеленого и оранжеваго. Го-

любое солнце — меньшее изъ трехъ — обращается вокругъ зеленого, а зеленое, виѣстѣ со своимъ спутникомъ, вращается вокругъ большого оранжеваго солнца, которое ты сейчасъ увидишь.

Дѣйствительно, немедленно появилось передъ нами третье солнце яркой горячей окраски, которое, вслѣдствіе контраста съ его двумя спутниками, производило самое причудливое освѣщеніе. Я хорошо былъ знакомъ съ этой любопытной звѣздной системой, такъ какъ не разъ наблюдалъ ее въ телескопъ, но я и не подозрѣвалъ ея дѣйствительнаго великолѣпія. Какой блескъ, какая ослѣпительная яркость! Что за сила красокъ въ этомъ странномъ источникѣ голубого сіянія, въ зеленомъ освѣщеніи второго солнца и въ оранжево-золотистыхъ лучахъ третьяго!

Но мы приближались, какъ я уже говорилъ раньше, къ одному изъ міровъ, принадлежащему къ системѣ сапфироваго солнца. Тутъ все было голубое, — ландшафты, воды, растенія, скалы, слегка окрашенные зеленымъ отблескомъ со стороны второго солнца и чуть-чуть тронутые лучами солнца, подымавшагося надъ дальнимъ горизонтомъ. По мѣрѣ того, какъ мы проникали въ атмосферу этого міра, воздухъ наполнялся сладостной музыкой, восхитительной какъ благоуханіе, какъ мечта. Никогда не слыхивалъ я ничего подобнаго. Чудная мелодія, глубокая, отдаленная, казалось, исходила изъ цѣлаго оркестра арѣзъ и скрипокъ съ аккомпаниментомъ органовъ. Это было какое-то дивное пѣніе, приводившее въ

восторгъ съ первой же минуты; его не надо было анализировать, чтобы понимать, и оно наполняло душу сладостной истомой. Я, кажется, готовъ былъ весь вѣкъ слушать: я не рѣшался заговорить со своей спутницей, боясь пропустить хоть одну ноту. Уранія замѣтила это. Она простерла руку по направленію къ какому-то озеру и указала мнѣ на цѣлую группу крылатыхъ существъ, носившихся надъ голубыми водами.

Они не имѣли земного человѣческаго облика. Очевидно, они были созданы, чтобы жить въ воздухѣ. Казалось, они сотканы изъ одного свѣта. Издали я принялъ ихъ за стрекозъ: тѣ же стройныя, изящныя формы, тѣ же широкія крылья, та же легкость и подвижность. Но, разглядѣвъ ихъ ближе, я увидалъ, что по разкѣрамъ они не уступаютъ людямъ, а по выраженію ихъ взора — убѣдился, что это вовсе не животныя. Головы ихъ также походили на головы стрекозъ, и, подобно этимъ воздушнымъ созданіямъ, у нихъ не было ногъ. Дивная музыка, которую мы слышали, была ни что иное какъ звукъ, производимый ими при полетѣ. Ихъ было очень много, можетъ быть нѣсколько тысячъ.

На вершинахъ горъ виднѣлись растенія — не то деревья, не то цвѣты, — ихъ легкіе стебли подымались на громадную высоту, и на этихъ развѣтвленныхъ стебляхъ, какъ будто простиравшихъ руки, висѣли крупныя цвѣточныя колокольчики въ видѣ тюльпановъ. Растенія эти были одушевленные; по крайней мѣрѣ, подобно нашимъ недотрогамъ — и